

Живет в Вятке (Россия).

СУХОЕ ДЕРЕВО

Сухое дерево

Встань рано.
Выпей стакан воды.
Полей сухое дерево.
Встань в семь утра.
Выйди на кухню.
Достань из настенного шкафа гранёный стакан.
Налей воды из пластиковой бутылки.
Выпей.
И полей сухое дерево.
Каждое утро вставай в семь.
Выходи на кухню.
Открывай прозрачную дверцу.
Бери старый стеклянный стакан.
Наливай воду. Пей.
И поливай сухое дерево, с которого
Ганс Гольбейн пишет Генри Говарда младшего.
В один и тот же час, ежедневно,
нашаривая ногой тапку,

вживайся в остывший халат,
машинально поднимай руку на кухне в поисках стакана,
бездумно пей холодную воду.
Привычно поливай сухое дерево с чёрными скулами.
Вильям Блэйк убил белого человека –
скажет сухое дерево – в ответ на доброе утро.
Каждый день, в один и тот же час,
поливай сухое дерево,
которое смотрит на тебя глазами нестареющего О'Тула.
Проваливайся в бездонные дупла.
Надевай на костяшки веток серебряный Кладдах.
И сухое дерево запоеет надтреснутым голосом:
Hallelujah.

* * *

Распускается в два лепестка,
разгорается капелька крови.
Для цветка у «Христов венка»
два виска и надбровье.

От «Христов венка», «от куска» -
разрастается май-подоконник.
Кормит в технике этой рука
акварелью дворов многокронник.

Разбегаясь из точки вокруг,
центробежная сила черёмух
за душою тревожный недуг
держит холод, как промах.

И, нацелившись дальше дышать
в восковые затылки тюльпанов,
часовой ускоряется шаг,
циферблат одуванный.

Вот и люлька зелёного дня,
что ни ночь, наступая на пятки,
наплывая, вбирая меня –
поднимает над Вяткой.

Над качелями люлька-ладья,
над причалами пятиэтажек
и над липовым цветом, где я
разворачиваюсь пейзажем.

Но, свернувшись в сухой черновик,
прячусь в май-подоконник до точки,
где «Христова венка» маховик
носит в новых бутонах цветочки.

Анестезия

У стоматолога
смотрю в окно перед собой:
в зазоре меж петуньями и полосатой шторой –
катаются (мне видно) дети с жёлтых горок.
А рядом ходят мамы, разморённые жарой.

Июнь. Жара на грани южной.
Весь двор висит на жарких жёлтых, белых,
бельевых, открытых синих.
Двор в изнеможенье.
Всё сонно. Всё лениво. Всё хорошо.

И только мы,
сейчас, в июне четырнадцатого,
живём на грани
с небольшой страной.
Вот в нашем жарком, белом и хорошем дне –
черным-черно невидимо плывёт.

– Нерв никогда не убивается до конца.
Поэтому я советую вам анестезию.
Согласны?
– Угу.
– Тогда потерпите... Всё!
Самое страшное мы сделали!
Теперь слушайте: распирает?
Полгубы должно онеметь.
Голова не кружится?

О да, всё распирает и плывёт.
Бросает в жар, на грани с южною жарою.
В наш белый день плывёт, на грани с той страной,
а в белом чёрно-белое плывёт.

Теперь перед глазами потолок.
И чем шершавее, облупленней, тем лучше –
там глаз находит целый ряд картин.
Да вот беда – евроремонт, – куда скучнее.
Но тоже ничего, зато он белый.

И только примесь чёрного во всём,
сквозь решето четырнадцатого года.

– Попробуем. Вы слушайте.

Если что не понравится – не молчите, я сразу остановлюсь.

С открытым ртом человек может сказать только гласный звук.

Если что – говорите какой-нибудь любой.

Не больно?

– У-у (отрицательно).

Какое счастье!

Всё страшное прошло. Анестезия.

Лечение – лишь белый потолок.

А всё плывёт, плывёт

на потолке оранжевый автобус –

расплавленные солнечные стекла его салона,

медлительные слишком остановки.

Оранжевый автобус, на котором

я ехала сюда через весь город.

А следом выкатились дни, за ними ночи

тоски зубной и маеты земной, –

плывут, плывут и уплывают мимо.

Боль убивается, пульсирует, затихла.

И только та невидимая примесь

саднит немного где-нибудь в листве,

в проёме штор, над горкой и качелью.

Вот в этой детской кепке и футболке,

в тех белых платьях разморённых мам.

– Думайте о хорошем.

Есть хорошее-то?

Правильно, всегда должно быть хорошее!

(Всё хорошо, всё хорошо и только...)

– Сейчас машинкой, а потом иглой.

Смотрите: какие каналы изогнутые.

Но это не вы одна такая,

это анатомия такая.

– Сплюньте всё. Только не утоните.

Так удобно, ничего не мешает?

Ещё раз напоминаю –

лучше всего приходить раз в полгода.

Вам кажется – у вас там вся щека перекошена,

сейчас пойдёте, в зеркало посмотрите,

всё у вас в порядке.

Лечение зубов с анестезией

таким бы счастьем не было,
когда бы
не Андрей Геннадьевич –
отличный врач,
отличный человек.

И я иду с бесчувственной десною,
с моей незамороженной войною,
На прежний мир смотрю новорождённым
и удивляюсь: ленивый полдень,
солнце и жара.

[Страница автора в сети](#)

